

and V. Belinsky [except of other participants] participated in N. Stankevich's circle. Referring to the memoirs and the texts of scientific researchers, the author of the article proved

the fallacy of the philosophers' opinion.

*Key words:* N. Stankevich's circle, slavophilism, zapadnik, context, study of M. Lermontov's works.

УДК 82-1

Горланов Г.Е.

## СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФСКИХ ТРУДАХ А.С. ХОМЯКОВА И ТВОРЧЕСТВО М.Ю. ЛЕРМОНТОВА \*

*Аннотация:* Мнения славянофилов, и А.С. Хомякова в частности, во многом разделял М.Ю. Лермонтов. Они разрабатывали, как поэты, общие темы. Автор считает, что религиозно-философские взгляды А.С. Хомякова повлияли на творчество М.Ю. Лермонтова.

*Ключевые слова:* славянофильство, русская идея, философия, православие, народолюбие, славянское братство.

Зарождение изучения русского национального самосознания относится к 30-м – 40-м годам XIX века и связано, прежде всего, с деятельностью Ивана Васильевича Киреевского (1806-1856), Алексея Степановича Хомякова (1804-1860) и славянофилов младшего поколения: Юрия Фёдоровича Самарина (1819-1876), Константина (1817-1860) и Ивана (1823-1886) Аксаковых, вошедших в историю русской философии под обобщающим именем «славянофилы».

Сам по себе термин во многом условен, так как не выражает всей многоцветной палитры разнообразных проблем, разрабатываемых названными философами. Кроме чистой философии, все они в большей или меньшей степени занимались литературой. Своё основное учение о самосознании русского народа они называли «истинно русским», «московским» по издаваемому журналу «Москвитянин», «славяно-христианским». «Вообще тогдашний образ мыслей Лермонтова чрезвычайно интересен. В нем заметны взгляды, сказавшиеся и в кружке московских славянофилов. Муравьев даже видел сходство между ними и Хомяковым» [1]. В пересказе П.А. Висковатого жизненное «сходство» звучит следующим образом: «Лермонтов просиживал у меня по целым вечерам, живая и остроумная его беседа была увлекательна, анекдо-

ты сыпались, но громкий и пронзительный его смех был неприятен для слуха. Как бывало и у Хомякова, с которым во многом имел он сходство...» [1, 199]. И еще: «Видно, Лермонтову чужды были мысли, которые затрагивались уже тогда в кружках Аксаковых и после вспыхнули ярким огнем, когда философские письма Чаадаева поделили московские кружки на два лагеря: «славянофилов» и «западников...» [1, 112].

С Лермонтовым славянофилов сближало литературное творчество и общность взглядов по многим вопросам. Так они выступали против крепостного права и за просвещение всего народа, а не только его зажиточной части. Изучение западноевропейской мысли дало возможность И.В. Киреевскому сравнивать русский архетип с европейскими, с немецким, в частности. «Англия и Германия, по его мнению, находятся теперь на вершине Европейского просвещения; их внутренняя жизнь уже окончила своё развитие, состарилась и получила ту односторонность зрелости, которая делает их образованность исключительно им одним прилично» [2].

Был близок Лермонтову А.С. Хомяков. Видимо, они неоднократно встречались в мае 1840-1841 года. Именно в это время Лермонтов делает в своем альбоме зарисовку, в которой изображает сцену беседы с Хомяковым. Составитель альбома рисунков и живописных работ Лермонтова отмечала во вступительной статье: «Среди разнообразных сценок этого альбома есть одна, на которой изображен сам Лермонтов, стоящий спиной к камину, а в глубоком кресле сидит писатель-славянофил А.С. Хомяков. Композиция проста и жизненна, позы непринужденны, несомненно портретное сходство изображаемых. Подпись под рисунком «Diplomatie ci wile et militaire» (Дипломатия гражданская и военная) заставляет предположить, что здесь отражен какой-то

\* © Горланов Г.Е.

спор между Лермонтовым и Хомяковым» [3]. По словам Б.Н. Тарасова, именно «с Хомякова, по существу, начинается самобытная русская мысль, философское самосознание нации, основная и постоянная задача которой, с его точки зрения, заключается в поиске жизненного воплощения ее сокровенных возможностей, когда разумное развитие народа возводится до общечеловеческого значения того типа, который скрывается в самом корне народного бытия» [4]. Свои философские взгляды А.С. Хомяков своеобразно выразил в художественном творчестве. Его взгляды родственны тем идеям, которые будут выражены Лермонтовым в героико-патриотической теме и в стихотворение «Родина». Их, как мыслителей, волновали переломные исторические эпохи российского государства. Так, поэма «Вадим» у Хомякова, посвящена борьбе новгородцев с варягами; в основу трагедии «Ермак» положены реальные факты, когда Ермак Тимофеевич, спасаясь от московских воевод, оказался в Сибири и разбил войска сибирского хана Кучума; полностью на исторических материалах складывается сюжет трагедии «Дмитрий Самозванец».

Поэма «Вадим» также есть у Лермонтова. В соответствие с духом времени (IX век) оба поэта романтизируют ставшего для русской истории легендарной личностью Вадима, идею героического мужества славян, стремление к свободе и готовность отдать жизнь во имя избавления родины от обнаглевших варягов. У Хомякова только больше батальных сцен, в коих показано преимущество русских воинов:

*Тумана зыби опустились,  
И вдруг очам славян явились  
Во поле бранное врагов бегущих строй,  
Победа вольности святой,  
Курган с вершиною крутой,  
Осыпанный вечерними огнями... [5].*

Автор «Вадима» Хомяков отошёл от исторической правды. Ближе к истине в этой теме находился Лермонтов. На самом деле, войска Рюрика одолели славянскую дружину Вадима, однако Хомяков в данном случае шёл не за фактом исторической правды, а за правдой художественного образа, на которую он имел право, как поэт. Впрочем, судя по последним строчкам, поэма осталась незаконченной и ещё не известно, какой бы финал ожидал читателя.

В историко-филологических же работах Хомяков точен к фактам, хотя, может быть, в некоторых случаях своё русское не может не

сказываться, как это получилось в «Мыслях по вопросам всеобщей истории» (Семирамиде), в которой он говорит о двух принципах: иранском и кушитском. Над книгой «Записки о всемирной истории» он работал последние 20 лет своей жизни. Рассматривая православную церковь как единственно ценную, он в то же время не считал католиков, протестантов, иудеев, буддистов, мусульман враждующими сторонами. «Сокровенные связи, соединяющие земную Церковь с остальным человечеством, нам не открыты; поэтому мы не имеем ни права, ни желания предполагать строгое осуждение всех, что такое предположение противоречило бы Божественному милосердию» [6].

Присматриваясь к творческому наследию Хомякова, нельзя не усмотреть взаимоотношения в его лице поэта и философа. Проживи Лермонтов ещё хотя бы с десяток лет, и в его творческой судьбе могла бы сказаться такая тенденция – он, философский лирик, готов был к написанию философских работ. Что же касается Хомякова, то достаточно посмотреть название стихотворений, чтобы увидеть эту связь. Из всех тем, перекликающихся в философских и поэтических трудах, – это мотивы православия и России. Смотрите, к примеру, «Надпись к картине», где Ангел спасает две души от притязаний сатаны, «Воскресение Лазаря», «Суд божий», «По прочтении псалма», «Давид», «Сон грядущий», «России» («Гордись! – тебе льстецы сказали...»), «Сербская песня», «России» («Тебя призвал на брань святую...»), «Раскайшейся России» («Не в пьянстве похвальбы безумной...»), «Широка, необозрима...»...

Как и Лермонтову, Хомякову виделась великая миссия России. Это благодатное время должно прийти, придёт обязательно, когда её соотечественники поймут, признают, последуют принципам, составляющим идею православия. За такую Россию молился он, находясь в Праге в 1847 году:

*Когда-то я просил бога о России и говорил:  
Не дай ей рабского смиренья,  
Не дай ей гордости слепой  
И дух мертвящий, дух сомненья  
В ней духом жизни успокой [5, 101].*

Эта же молитва у меня для всех славян. Если не будет сомненья в нас, то будет успех. Сила в нас будет, только бы не забывалось братство. Что я это мог записать в книге вашей, будет мне всегда помниться как истинное счастье» («В альбом В.В. Ганки» [5, 124].

Здесь вполне уместно сказать о значительном влиянии взглядов Хомякова на литературу западных и южных славян, явившихся для братских православных народов своеобразным связующим центром между восточными и западными славянами. Его стихи о славянском братстве («Не говорите: то бывшее...», «Киев», «Не гордись перед Белградом», «Сербская песня», «Навуходоносор», «Мы род избранный, – говорили»), призывающие к мужеству славянские народы, к освобождению от турецкой зависимости, стали чрезвычайно популярны у народов Югославии, Чехии, Словакии. В стихотворении «Орёл» («Высоко ты гнездо поставил, Славян полунощных орёл»), ставший символом для славянства, автор просит, чтобы тот не забыл о «младших братьях»:

*На степь полуденного края,  
На дальний Запад оглянись:  
Их много там, где гнев Дуная,  
Где Альпы тучей обвились,  
В ущельях скал, в Карпатах тёмных,  
В балканских дебрях и лесах,  
В сетях тевтонов вероломных,  
В стальных татарина цепях [5, 124].*

Написаны строчки предположительно в 1832 году. Под заглавием латинскими буквами стояло «Орёл славянский». В прозаическом переводе на польский язык опубликовано в Познани в 1844 году. П.И. Бартевев отмечал: «Мы, наверно, знаем, что знаменитая пьеса «Орлы»...написана не позже 1832 года» [7]. Означенное стихотворение пользовалось большой популярностью в Московских патриотических кругах. Тем не менее, царь, по сведениям И.И. Срезневского, не одобрил идею воссоединения славян и не позволял печатать: «Царю не угодно было это позволить», – сообщал в «Путевых письмах» И.И. Срезневский [8]. Тот же Срезневский в сентябре 1841 года передал этот текст Яну Коллару, который опубликовал в своей книге, предпослав к нему комментарий: «Господин Срезневский рассказал нам о нынешнем положении русской литературы, особенно о поэзии. После смерти Пушкина выдвинулся молодой поэт Хомяков. Я уже прежде читал стихотворения этого писателя, особенно – его «Ключ», и они мне очень понравились своей живой образностью, своим истинным народолюбием, своим чисто славянским духом; сообщаем публике одно из его новейших произведений, которое ещё нигде не было напечатано» [7, 33].

К сожалению, книга самого Я. Коллара

из-за этой публикации попала под цензурные ножницы, как свидетельствует П.И. Бартевев, «немедленно «запрещена австрийскими властями» [5, 555-560]. Граф С.С. Уваров, похвально отзываясь о стихотворении «Киев», представил и «Орёл»...Последние стихи имеют отношение к другому стихотворению, в котором Хомяков воспевал единение всех славянских племён под хоругвью России. Эта мысль, которую он проникнут, проявляется в каждой строке, им написанной; глубокое религиозное чувство (в чём Хомяков решительно отличается от Пушкина) даёт этой мысли особую теплоту и возвышенность. Искусство языка и сила выражений не оставляют, думаю, ничего желать более». Мысли Хомякова полностью перекликаются с написанными параграфами «Записок о всемирной истории».

Пропаганде православия в России не противился царь, а вот философские размышления о «единение славян» пугали его, потому-то он и не приветствовал патриотических чувств Хомякова. Этим можно объяснить запрет цензоров стихотворений «Орёл» и «Киев». Да и то ещё надо сказать: русские цари, кроме первых по династии, генетически далеки были от русского архетипа. Первые Романовы брали в жёны соотечественниц – Милославских, Стрешневых, Нарышкиных. Если верить изысканиям Алексея Толстого («Пётр Первый»), то отцом государя нужно считать Никона. Анна Петровна была замужем за немцем, Павел Первый женился на немецкой принцессе, об императрице Екатерине и говорить нечего. Так что о Николаях и Александрах, как и о царедворцах Бенкендорфах, Дубельтах, Клейнмихелях в плане русского менталитета только рассуждать приходится. Не отставали от императоров и придворные (примеры, как говорится, заразные), не упускавшие случая брать в жёны баронесс. Редко какой мужичок выйдет в купчики или благодаря таланту достигнет высот в культуре и искусстве. Это только в народных массах было всё по-другому, если и были смешанные браки (а они были), то между соседями – украинцами, белорусами, татарами, мордвой, чувашами... Даже такие беглые наблюдения говорят об особенном генетическом архетипе русских.

Славянофилы хотя и твёрдо стояли за отмену крепостного права (Лермонтов, как уже было отмечено, придерживался аналогичных взглядов), но не силой оружия. Они оказались правыми: отмена этого дикого закона всё-таки состоялась, благодаря давлению

нию на царский двор широкой общественности. Общась с декабристами: К. Рылевым, К. Кюхельбекером, В. Раевским, А. Одоевским – Хомяков выступал против их намерения вооруженно выступить на Сенатской площади 14 декабря, считая, что такой шаг противоречит человеческой логике и ни к чему хорошему не приведёт. В отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве (ГИМ) находятся воспоминания неустановленного сослуживца Хомякова: «Рылеев являлся в этом обществе оракулом. Его проповеди слушались с жадностью и доверием. Тема была одна – необходимость конституции и переворота посредством войска. События в Испании, подвиги Риго составляли предмет разговоров. Посреди этих людей нередко являлся молодой офицер, необыкновенно живого ума. Он никак не хотел согласиться с мнениями, господствовавшими в этом обществе, и постоянно твердил, что из всех революций самая незаконная есть революция военная. Однажды, поздним осенним вечером, по этому предмету вышел у него жаркий спор с Рылевым. Смысл слов молодого офицера был таков: «Вы хотите военной революции. Но что такое войско? Это собрание людей, которых народ вооружил на свой счёт и которым он поручил защищать себя. Какая же тут будет правда, если эти люди, в противность своему назначению, станут распоряжаться народом по произволу и сделаются выше его?». Рассерженный Рылеев убежал с вечера домой. Кн. Одоевскому этот противник революции надоедал, уверяя его, что он вовсе не либерал и только хочет заменить одноподержавие тиранством вооружённого меньшинства. Человек этот – А.С. Хомяков» [5, 11]. Как это ни покажется странным, но у мятежного Лермонтова, жаждущего бурь, была такая же мировоззренческая позиция.

По справедливому замечанию В.Н. Аношкиной, «Русская идея» в романтической интерпретации, но без радикализма Рылеева и Кюхельбекера, вошла в романтическое творчество ранних славянофилов, А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, получив долгую жизнь в поэзии и прозе второй половины XIX века. Идеальное начало в романтизме было ими осознано и воплощено в творчестве как христианская, православная, вера, укрепляющая цельность личности и соборный религиозный дух» [10]. Правое дело славянофилов, отстаивающих русскую самобытность, замечали даже их антиподы – западники. В некрологе Константину Аксакову А.И. Герцен отмечал: «Киреевские, Хомяков

и Аксаков – сделали своё дело; долго ли, коротко ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себе с полным сознанием, что они сделали то, что хотели сделать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петром и в которой сидит Бирон и колотит ямщика, чтоб тот скакал по нивам и давил людей, – то они остановили увлечённое общественное мнение и заставили призадуматься всех серьёзных людей... С них начинается перелом русской мысли» [11].

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников. – Пенза, 1960. – С. 203.
2. Киреевский И.В. Собр. соч. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 38.
3. Альбом рисунков и живописных работ М.Ю. Лермонтова Составитель Ковалевская Е.А. – Л., 1964. – С. 6.
4. Тарасов Б.Н. А.С. Хомяков как личность и как мыслитель // А.С. Хомяков – Мыслитель, поэт, публицист.: Сб.ст. по материалам междунар. науч. конф. (Ответственный ред. Б.Н. Тарасов). – Т. 1. – М., 2007. – С. 13.
5. Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Большая серия «Библиотека поэта. – Л., 1969. – С. 494.
6. Хомяков А.С. Собр. соч.: В 8 т. – М., 1904. – Т. 2. – С. 216.
7. Бартенев П.Н. // Русская беседа. 1860. – № 2.
8. Срезневский И.Н. Путевые письма. – СПб., 1895. – С. 42.
9. // Русский архив. – 1893. – № 8. – С. 159.
10. Аношкина В.Н. Православные основы русского романтизма // Современное прочтение русской классической литературы XIX века. – М., 2007. – С. 44-46.
11. Герцен А.И. Собр. соч. – М., 1958. – С. 104.

G. Gorlanov

## THE BECOMING OF RUSSIAN CONSCIOUSNESS IN PHILOSOPHIC WORKS OF A. HOMYAKOV AND M. LERMONTOV

*Abstract:* The Slavophiles' opinions and those of A. Homyakov in particular, were supported by M. Lermontov. As poets they worked out the same topics. The author thinks that religious – philosophic opinions of A. Homyakov influenced the evolution of M. Lermontov's creative work.

*Key words:* slavyanophilstvo, Russian idea, philosophy, ortodoxy, love to the people, Slavic brotherhood.